

Произведения Достоевского в Латвии

К 75-летию со дня смерти
великого русского писателя

Произведения Достоевского стали переводить на латышский язык лишь после смерти писателя. Первое из них — рассказ «Сон смешного человека» — было опубликовано в 1884 году в наиболее прогрессивной газете того времени «Тевия».

Еще до появления первого перевода многие латыши читали Достоевского в оригинале. Так, Райнис уже в первой половине 80-х годов был знаком с его романами. В своих дневниках 1883—1884 гг. Райнис отмечает, что «Братья Карамазовы» читаются с лихорадочным интересом. Он записывает ряд мыслей, вызванных чтением «Преступления и наказания» и «Бесов». Э. Вирзиек-Упит также познакомился с Достоевским еще будучи в школе, т. е. в 80-х годах, и это знакомство на всю жизнь вызвало в нем чувство уважения и симпатии к великому мастеру изображения человеческих страданий.

Первые переводы крупнейших произведений Достоевского на латышский язык осуществляются в 90-е годы прошлого века. За короткий срок были переведены на латышский язык и опубликованы в периодической печати крупнейшие произведения Достоевского. Часть из них вышла также отдельными книгами.

Главную работу в этом направлении проделала «Диенас лапа» — газета «Нового течения», которой руководил тогда Райнис, а затем П. Стучка. На ее страницах появилось много произведений Достоевского — «Записки из мертвого дома» (1894 г.), «Преступление и наказание» (1896 г.), «Униженные и оскорбленные» (1897 г.), а также рассказы «Елка и свадьба» (1897 г.).

В 1894 году, когда газетой «Диенас лапа» руководил Райнис, на ее страницах появился первый на латышском языке крупный очерк о творчестве Достоевского.

Прогрессивным общественным

течениям было особенно близко тяготение Достоевского к так называемым маленьким людям, с которыми знакомит нас «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные» и другие произведения писателя.

Разрешая тему маленьких людей, произведения Достоевского выражают гуманистические стремления или, говоря словами упомянутого выше очерка в газете «Диенас лапа», — «за покровом смеихотворности, глупости, слабоумия и порочности Достоевский старается отыскать человеческую душу и показывает, что даже впаший в несчастье и погибший человек в большинстве случаев еще может быть спасен». Не напрасно в «Записках из мертвого дома» Достоевский пишет о людях, которых царский строй довел до казни: «Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?».

К этой сформулированной Герценом проблеме — кто виноват?, которую М. Горький охарактеризовал как одну из наиболее существенных проблем всей русской литературы XIX столетия, Достоевский возвращается снова и снова.

Латышам-труженикам особенно близки были слова из романа «Преступление и наказание» о том, что нет судьбы более ужасной, чем быть негром у плантатора или латышом у остзейского немца.

В 1901 году газета «Вардс», отмечая 80-летие со дня рождения Достоевского, писала: «Особенно подробно Достоевский изображает в своих произведениях тяжкую до-

лю «униженных и оскорбленных» людей, их душевную борьбу и сердечные муки и не поражается, когда под влиянием вечных страданий и несправедливости им случается погрязнуть в пороке и стать преступниками... Произведения Достоевского насильно проникли в его неутомимым и неослабевающим стремлением к равноправию, к подлинной оценке и уважению человека».

В 1914 году, в журнале «Домас» Андрей Упит принял участие в полемике, разгоревшейся в русской печати в связи с выступлением Максима Горького против включения в репертуар Московского художественного театра инсценировки романа «Бесы». Смело, без колебаний Андрей Упит высказал тогда следующее мнение: «Само собой, мы также можем лишь присоединиться к Горькому...». Из статьи Андрея Упита мы знакомимся с позицией, занятой в этой полемике русской демократической и революционной печатью. Эту позицию характеризует единогласное утверждение, что «это не обычный литературный конфликт, но конфликт, в котором столкнулись два несоединимых воззрения, два противоположных мира — пролетарский, с Максимом Горьким во главе, и тот буржуазный мир, который каждую минуту готов обняться с реакцией...».

Андрей Упит неоднократно возвращался к отдельным реакционным тенденциям в произведениях Достоевского, но, однако, в целом оценивал Достоевского очень высоко. Так, например, в 1912 году в очерке о новейших русских романах он приходит к заключению, что в литературе последнего времени отсутствует такое «крупное, полноценное художественное

произведение, которое можно было бы приравнять, например, к большим романам Достоевского и Толстого».

В 20-х и 30-х годах произведения Достоевского продолжают широко распространяться в Латвии. В 1936—1938 г. выходит 16-томное собрание сочинений писателя на латышском языке. Латышские читатели впервые познакомились с романом «Подрасток», переведенным Я. Плаудисом и А. Чаком. В это собрание вошли также впервые вышедшие на латышском языке «Село Степанчиково и его обитатели» и другие произведения. Среди переводчиков мы видим также горячего ценителя Достоевского Э. Вирзиека-Упита.

В послевоенные годы на латышском языке опубликованы статьи русских революционных демократов — В. Белинского («Взгляд на русскую литературу 1846 года»), Н. Добролюбова («Забитые люди»). Это сыграло большую роль в ознакомлении широких кругов латышских читателей с оценкой революционной демократией наследия Достоевского.

Прогрессивные тенденции творчества Достоевского, суровая правда о невыносимой жизни человека в хищническом буржуазном мире, высказанная этим чутким художником, всегда находили живой отклик у латышских читателей и писателей. Отвергая все нездоровое, идейно-порочное в творчестве Достоевского, советские люди высоко ценят его достоинства, определяющие почетное место этого великого художника слова в истории русской и мировой литературы.

А. ВИЛСОН,

старший научный сотрудник
Института языка и литературы
Академии наук Латвийской ССР.